
Ирина Критская
ОНА на ЕГО ладони
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ирина Критская

ОНА на ЕГО ладони

https://litres.ru/74004386
SelfPub; 2026

Аннотация

Эле досталось в жизни - родители развелись, жить ей пришлось где - попало, в личной жизни не очень везло. Но потихоньку все начало налаживаться, она встретила, наконец, свою любовь. И превратилась в бабочку, случайно севшую на ладонь... Которую так легко погубить, просто покрепче сжав руку

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	54
Глава 14	58
Глава 15	63
Глава 16	67
Глава 17	71
Глава 18	76
Глава 19	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ирина Критская
ОНА на ЕГО ладони

Глава 1

Они опять ссорились! Эля не понимала вообще, как матери удавалось это - без крика, одним ледяным и беспросветным молчанием устроить скандал. Отец сразу чувствовал, что ЭТО начинается, метался из угла в угол, как бедный загнанный кролик, но сделать ничего не мог. Потому что скандала не было. Ругани тоже - была свинцовая туча, которая давила так, что невозможно вздохнуть. И эту тучу мать приносила с собой.

Мать приходила с работы, медленно стаскивала шубку, от шубки пахло хорошим парфюмом и немного табаком. Но Эле всегда приходило в голову, что так пахнет в аду. Шубка оттаивала на вешалке, отсвечивая капельками воды в мутном свете прихожей, а мать, устало присев, стягивала сапоги. Сапоги сползали с трудом, как будто она стягивала кожу со стройных икр. Потом совала суховатые ступни в пушистые тапки и поправляла юбку на красивых коленях - Эля немного завидовала матери - у нее не было такой фигуры. Ноги эти, чуть полноватые - в бабушку, попа... Нет, плечи и грудь у нее были, что надо. Но все равно!

Мать рассеянно смотрела на Элю, мельком, как будто мимо, касалась пальцами ее пушистых, вечно растрепанных волос, шла на кухню. И молчала! Отец шел за ней, как будто пытался что-то сказать, поймать ее, как бабочку в сачок, но она хлестала его своим молчанием, как плетью. И он сжимался под этими ударами, его плечи становились еще сутулее, а впалая грудь еще уже. Эле было до слез жаль отца, но она понимала - мать он раздражает. Раздражает то, что он слабый, что мало зарабатывает, что им сейчас приходится сидеть на одних макаронах, а он ничего с этим ужасом не делает.

- Вер. Ты почему поздно? Десять уже!

Отец говорил тихо и странно дергал головой, как будто что-то клевал. У него недавно появилась эта привычка, он то ли подобострастно кланялся, то ли подтверждал свои слова мелкими кивками. Эля почувствовала, что у нее зажгло внутри, от этого повлажнели глаза, она подошла к отцу, взяла его за руку. У него была влажная и холодная ладонь и она подрагивала.

- Где? Вот здесь!

Мать впервые за последние несколько дней ответила. Она медленно, как-то по змеиному повела коротко стриженной головой, ей странно шла эта мальчишеская стрижка, от нее ее шея казалась незащищенной и нежной, пошла в прихожую, вытащила из под уже подсохшей шубки огромную сумку, резким движением швырнула ее на середину кухни, при-

села, расстегнула молнию и высыпала содержимое прямо на пол. А содержимое было огого. Деньги - прямо россыпью, какие-то бумажки и, почему-то, пачки печенья.

- Вот! За этим на другой конец Москвы ездила. Ночью шла с этим. Через парк. А вот это!

Она вдруг резко подняла полу халата, и Эля с ужасом увидела на ее точеном бедре здоровенный синяк.

- А вот это! Не скажу откуда. Догадайся сам! Элька! Иди в комнату! Что ты стала тут, уши развесила. К ужину позову.

Эля промчалась по коридору, с треском захлопнула дверь. Она знала, что будет потом. Что отец втянет голову в плечи, молча пойдет в зал и включит телевизор. Ему так будет проще, потому что ездить с матерью по булочным, собирать деньги и отвозить их в офис (так мать подрабатывала, умудряясь хоть немного держать семью на плаву) было выше его достоинства, и он предпочитал делать вид, что ничего не происходит. Он вообще любил делать этот вид. Не замечать, что от матери иногда пахнет спиртным. Не чувствовать запах крепкого мужского табака Не понимать, на какой она грани. Совать голову в песок, и жить в этом песке. Но Эле все равно было его жаль.

Она лежала на диване, смотрела в потолок, по которому метался свет от фар редко проезжающих машин и думала. Вспоминала, вернее. Вот вчера, когда ее все достало до печени, она выскочила вечером на улицу подышать и столкнулась там с Егором из параллельного класса. И он позвал ее

на одну тусу. Дома все равно никого не было, бабка уехала к сестре с ночевкой, отец был в ночь, мать... Да и плевать всем было на то, где она и что она. И Эля согласилась.

Туса была крутая, ее хотели подпоить, но сделать это не так легко, Эля была упряма, как баран и осторожна. Выпив немного шампанского, она согласилась пойти с Егором прогуляться в зимнем парке. А когда он прижал ее к скамейке, полез в джинсы, она с силой саданула его по морде, вырвалась и побежала домой пешком. У нее не было денег даже на автобус. да они и не ходили уже. И она, вся сжавшись от страха, неслась сквозь метель через длиннющий и пустой мост, потом через заросший сквер, и из каждого куста на нее пялились страшные рожи. И когда она с бешено выскакивающим из горла сердцем залетела в подъезд, то долго сидела на подоконнике между вторым и третьим пролетом. Потому что даже в лифт зайти было страшно.

Глава 2

Крика не было. Был лёд. Ежедневный, бесконечный, не тающий. Эля приходила из школы, проползала сквозь эти ледяные глыбы в свою комнату, таилась там, как мышь, и льдины заползали к ней через плохо закрывающуюся дверь, мешая думать. От них веяло чем-то таким, что Эля однажды почувствовала во время посещения кладбища. Бабушка любила ходить на кладбище к своим именно в Пасху. Там были похоронены и ее (бабкины) родители и дед (муж). Она всегда готовилась - пекла куличи на десять форм, красила яйца, покупала искусственные цветы. Куличи они всегда украшала шоколадом. Варила сгущенку с какао, получалась шикарная штука, которая красиво стекала с куличей, на тарелке застывал шоколадный ободок, и Эля слизывала его полностью, втихаря, зачерпывая прямо пальцами. Однажды она застала и мать. Та тоже слизывала шоколад и тоже пальцами, и при этом у нее был виноватый и чуть шкодливый вид - как у мыши, которую поймали на сыре.

А потом бабушка сооружала корзинку. Ей нравилась такая - плоская, на длинной, витой ручке, в такой обычно устраивают букеты на юбилеи. В корзинку она укладывала самый красивый кулич, окружала его крашеными яйцами, пристраивала небольшую бутылочку коньяка, конфеты. Для Эли укладывала коку - эта штука только появилась в Москве,

но бабушка никогда не забывала - покупала. Отец загружал корзинку в здоровенную авоську, и они торжественно шли на кладбище. И вот там Эля и чувствовала подобное. Красота, людей полно, все нарядные, все с цветами, с куличами, все идут толпой. И на могиле, вроде, все как надо - скамеечка, столик Бабушка ставила свечи на могилку, расставляла небольшие блюдечки, рюмки, Эле вручала бутылочку коки. Резала кулич А могильный холод проникал в сердце. Никуда было от него не деться, даже ландыши, потихоньку распускающиеся на могиле казались восковыми. Или ледяными...

Точно такая штука была сейчас у них дома. Вроде все нормальные, обычные, руки-ноги-голова. Папа приходит с работы, мама возвращается с дежурства. Бабушка напекла булочек. Все сидят на кухне, обедают, разговаривают. Цветы иногда даже стоят на столе - или бабушка привозит с дачи, или отец приносит матери. А пахнет могилой. Прямо воняет, хоть нос затыкай.

Экзамены Эля сдала практически отлично. Ну, какая-то там четверка по физкультуре, и еще пара незначительных - так, мелочь. Хороший аттестат, в вузе есть свои - все схвачено. Эля катилась, как шарик по накатанной, в ушах у нее все время стоял странный гул, как будто свистел ветер. И день, когда она увидела себя в списках поступивших тоже был ветреным. Списки мотались на этом ветру, Элина фамилия вибрировала, как будто к ней подключили ток, а может быть, что-то случилось со зрением.

Мать с отцом приняли новость об Элином поступлении благосклонно. Отец расплылся в счастливой улыбке, мать сдержанно улыбнулась и чмокнула Элю в темя. А потом они выпили две бутылки шампанского на троих, но кладбищем воняло все равно. И чтобы избавиться от этой вони Эля позвонила Егору.

- Элька. Ну что ты, как не родная Ты, прямо, целка-невидимка, сейчас у нас в классе и нет таких, ты одна. Чего ты надулась-то? Все пучком, риска нет, расслабься.

Егор лежал, опершись на подушки, цедил сок через трубочку из высокого стакана, а Эля судорожно натягивала на себя джинсы. Она была уверена, что сейчас остановит маршрутку на мосту, подойдет к парапету и сиганет вниз. И кончится, наконец, этот вечный лед и кладбищенская вонь. Должно же это когда-нибудь кончиться.

Эля добралась до дома, когда уже темнело. Закрывшись в ванной долго стояла под душем, терла себя мочалкой до красноты и кровавых ссадин, потом изрезала ножницами белье, завернула его в туалетную бумагу, и, выждав момент, спустила в мусор. А потом, закутавшись в одеяло, как в кокон, беззвучно выла собачкой, приблудившейся к их подъезду на днях.

...

Мать ушла из дома в субботу утром. Просто - покидала в большую спортивную сумку кое-какие вещи, накинула на плечо лямку здоровенного рюкзака, подошла к Эле. Помол-

чала, прижав ее к себе, потом наклонилась, шепнула.

- Прости. Как только устроюсь, хотя бы более менее, я тебя заберу. Веришь?

Эля молчала. Ей было все равно. Отец сидел на диване. У него лицо было похоже на дедово, выгравированное на памятнике. Бабка металась по коридору - молча, как будто что-то искала. А кладбищенский холод заполнил их квартиру целиком, и Эле даже показалось. что заиндевели шторы.

...

Глава 3

Отца не было третий день. Бабушка тоже пропадала на даче, было такое чувство, что она боится приезжать. Что на нее этот могильный холод действует страшно, и ей лучше там - в маленьком неотапливаемом домике среди кое-как осушенных болот. Конечно, если бы она знала, что ее сын бросит дочь и смоется так же, как непутевая сноха, она бы вернулась. Но она не знала, а может быть и знать не хотела, к чему ей были эти знания.

Эля сидела, поджав ноги, на диване, плотно придвинутом к окну, смотрела, как кружатся листья. Осень была в этом году муторная, ветреная, бросало ее то в тепло, то в холод, как будто кто-то двигал туда-сюда перегородку между зимой и летом. Двинет в сторону зимы – похолодает так, что аж иней на ветках, двинет в другую – выглянет солнце, потеплеет, покажется, что снова вернулась весна. А вот между, пока эта перегородка застревает посередине, лепят дожди. Противные, нудные, осенние. А что если сейчас вот открыть окно и встать на подоконник? Кто-нибудь придет на помощь, или всем плевать? Неужели на меня всем плевать? А почему?

Мысли у Эли были вязкие, кисельные, они заволакивали ее мозг какой-то душной дрянью, и сквозь нее самым ясным и острым проглядывало одно желание – открыть окно. Не

справившись с ним, совсем потеряв себя в тумане, в том, что все густел в голове, она встала, скинула одеяло, открыла окно. С четвертого этажа все казалось другим, и вроде бы не высоко, а нереально, внизу кукольный город – там лавка, там качелька. Интересно, если оттолкнуться посильнее и раскинуть руки, я перелечу через асфальт на газон? Или брякнусь прямо у подъезда?

Эле было совсем не страшно, наоборот, очень интересно. Она была полностью уверена, что полетит. Долетит вот до того сиреневого куста, который за детской площадкой, сделает круг, поднимется над кленом, ну а потом решит куда. Куда ветер подует.

А еще у нее перед глазами было лицо мамы. Они с отцом приехали на ее посвящение в студенты. Эля стояла между отцом и матерью в своей дурацкой академической шапке, вокруг гудела веселая толпа, а они стояли втроем. И вроде и не было никого вокруг – потерянный папа, потерянная мама и дура-первокурсница Элька. У папы вместо глаз были пустые дырки, а губы дрожали, а у мамы – глаза убежавшей из дома и потерявшейся собачки. И их глаза не встречались, как будто взгляды разносило теплым ветром, поднявшимся в тот день. А взгляд Эли, как крючок – пытался их зацепить и соединить, но ничего не получалось. Он соскальзывал, и все было бесполезно.

В раскрытом окне отражалась смешная девчонка Лохматая, кучерявая, глазастая и безумная. Элька улыбнулась сво-

ему отражению, сделала шаг... И в этот мгновение зазвонил телефон. Да так, что затрещало в голове, у них этот новый, плоский, как камбала телефон вечно орал, как оглашенный. И мир вдруг вернулся на место.

– Эль! Ты как? Ты меня слышишь? Что ты молчишь, связь такая, что ли? Эля!!!

Мамин голос звучал звонко и на удивление радостно. Эля уже сто лет не слышала от нее такого – вечно глухой, смурной, почти не слышный. А тут, как солнышко взошло. Таким голосом она когда-то кричала маленькой Эльке, забравшейся на здоровенную горку без разрешения. А ну, хулиганка, садись на попу, съезжай. Ишь, летчица!. Вот и сейчас Эля почувствовала себя этой летчицей, мамин солнечный голос снял ее с подоконника и вернул из тусклого и кисельного небытия.

– Да, мам. Ну что ты раскричалась, слышу я!

– А молчишь! Слушай, Эль. Я тут квартиру сняла, город такой красивый! Может приедешь? А?

Эля накинула халат, не выпуская трубки пошарила в столе, вытащила тетрадку и ручку.

– Приеду. Адрес говори.

Мама весело диктовала, Эля писала, глядя, как открывается дверь, в нее протискивается отец, ну точно как нашкодивший кот. Он был небрит, грязен и совершенно пьян. Таким Эля его никогда не видела.

...

Квартира у мамы была маленькая, очень чистая и очень уютная. Небольшая комната, крошечный санузел, кухня – два шага от стены к стене, балкончик, больше похожий на кухонную полку. На кухне светил лампочками какой-то страшный прибор, Эля таких и не видела никогда.

– Мам!!! Это что?

Она коснулась кончиками пальцев горячей трубки, тянущейся из прибора куда-то вниз, ойкнула и отдернула руку.

– Ну, Элька. Разбаловали мы тебя московским уютом. Это газовый нагреватель воды, здесь так. Не лезь, я сама его боюсь.

Мама была похожа на шаловливую девчонку. Коротенький, китайский халатик, похожий на шелковый, волосы чуть взлохмачены, ни грамма косметики.

– Слушай, Эль. Если хочешь, можешь переехать ко мне. Разместимся. А потом я сниму хатку побольше, надо просто поискать, мне не до того было. А?

– А ты как на работу добираешься, мам? Сколько по времени-то?

Мать не ответила. Она смущенно поправила свой смешной ежик на голове, вздохнула.

– Ну да. Неудобно тебе будет. Да и квартира ведь и твоя тоже, куда ты из нее? А я вот решила волосы отрастить? Как ты думаешь?

Эля молчала Ее жизнь ломалась сейчас, как сухое печенье – на много неровных кусков.

Глава 4

– Пап... Ты не будешь больше пить, а? Обещай!

Отец сидел на кухне. Он как-то сгорбился в последнее время, стал похож на кучерявого старичка. Эля всегда-то не считала его Апполоном, но все равно – плечи какие-то были, ноги мускулистые. А тут как будто его высушили, положив в гербарий. Вернее, сначала положили, а потом передумали, и он, подсыхая скрючился некрасиво, свернулся крючком.

– Не буду, Эль Это я так, одноразово. Слушай, у тебя отметки какие в этой четверти?

Эля вздрогнула. Ей на секунду показалось, что отец свихнулся, смотрит в одну точку, буробит что-то странное. Но потом поняла – он думает о чем-то своем, и это его свое где-то там, а аду.

– Ты чего, пап? Может тебе чаю согреть? Ты себя хорошо чувствуешь?

Отец поднял на Элю красные, как у кролика глаза, и в них, вроде, вернулась какая-то мысль.

– В смысле?

– Да я в институте давно учусь, ты чего. Сессия у нас. Каникулы скоро. Ты бы к врачу, что ли сходил.

Отец резко встал, покачнулся, но не упал, удержался, вцепившись за край стола.

– Нормально все. А ты к матери ездила, я знаю. Могла бы

и сказать.

...

– Элька! Чего делаешь? У нас тут тусня, придешь, может? Мои, из универа, да и еще перцы придут. Хва куксить, жить надо, пока живется.

Голос Егора долбил по мозгам, хотелось подальше отодвинуть трубку, чтобы не так слышно было. С той встречи она его больше и не видела ни разу, да и видеть не хотела, постаралась выкинуть из головы тот вечер, уж больно тошно вспоминать было.

– Егор. Ну что ты звонишь? Знаешь же что противно мне тебя слышать, что тебе надо?

Эля нервно мяла в сумке пачку сигарет. Курить дома она не решалась, бабушка тут же учует, да и отец. Ему хоть и наплевать на нее, но тут вылезет со своими нравоучениями и со своей каплей никотина вместе с лошадью. Хотела было дождаться, пока все угомонятся, просочиться на улицу, а тут этот дурак.

– Да видел я тебя на днях. Брела, как старуха, и так спина сутулая, а тут вообще горб. Подумаешь, мать свалила, так я б рад был, что бы и моя, а то все торчит, как слива в этом самом, жизни учит. Так придешь?

Эля вдруг обозлилась. Сам дурак сутулый, в жизни она не горбилась, очки надо надевать. И от злобы решила - а что? И пойду! Все равно жизнь под откос катится.

– Ладно. На час забегу. Жди.

– Ну вот! Молодца. К шести давай, да при параде, крутяк у меня тут будет.

...

– Ты куда, Элечка? Откуда такие вещи у тебя? Что-то ты больно самостоятельная стала, девочка, деньги где взяла?

Бабушка так неслышно зашла и встала за спиной, что Эля от неожиданности вздрогнула. Джинсы у нее и правда были не дешевые, Валерка дешевого не носит, все фирменное, мать привозит из командировок. Правда, дура непроходимая, и страшная, как черт, но упакованная Эля подкатила к ней вчера с неожиданным предложением - написать курсовую за прикид. И та неожиданно согласилась.

- Дали мне, бабуль. Напрокат. Подружки. Не волнуйся, верну завтра. А сейчас не мешай, ждут меня. А папа не пришел?

Бабушка вдруг всхлипнула, присела на стул у письменного стола, пригорюнилась

– Так вечерняя же. Он в церкву ходит теперь, грехи отмаливает. За себя, за маму твою, грешницу. Молитвы все шепчет, боюсь с ума сойдет. Со старухами все, зарплату в церковь тащит, вот нам с тобой что даст - остальное все туда. Ты бы поговорила с ним, что ли.

Эля размашисто причесала свою кучерявую гриву, мазнула помадой по губам, открыла коробочку с линзами.

– О чем говорить-то, баб? Чего я ему скажу-то? Иди, ладно. Не мешай, опаздываю я.

Бабушка встала, потопталась у стола, вздохнула

– Всю жизнь нам мама твоя переломала. Пропащая она. И ты тоже такая будешь - пропащая. Вон, табаком от тебя прет, небось и попиваешь уже? Одна шлындра, вторая курит, третий с ума свинтил. А мне что делать - то? В гроб живой?

Эля раздраженно махнула - иди, мол. Но ей бабушку было жалко до слез. Сидит все одна в своей комнате - на дачу больше ни ногой, замусорила все, бумажки какие-то, огрызки яблочные, корки от хлеба. Раньше мать у нее в комнате убиралась - как начнет, только звон стоит, все перелопатит. А теперь если Эля не уберет раз неделю, зарастет бабка мусором.

– Ладно, баб, не переживай. Не пью я. Давай, ящик включи, а я завтра у тебя в комнате приберусь, фотки старые посмотрим. Иди, а?

Бабушка ушла, Эля накрасила ресницы так, что они нависли над ее зеленоватыми глазами мохнатым забором, покрутилась перед зеркалом. А ничего... Похудела, нормалек. Пойдет.

А весна уже неслась на всех парах в сторону лета. Отцвела сирень на бульварах, вот-вот запылят тополя. Эля очень любила это время, когда среди весны вдруг начиналась зима - поднималась метель, пуржило, заносило дорожки белым, почти снежным пухом. У нее всегда было в это время какое-то особенное настроение - нежное, ласковое, светлое. Даже в этом году, когда почти рухнула жизнь, время снежных топо-

лей должно внести свои коррективы в это пакостное дерьмо. Не может быть иначе, так было всегда. Эля попрыгала на одной ножке, надевая соскочившую туфельку, и вдруг перед ней остановился трамвай. Тут и остановки отродясь не было, сломался что - ли...

– Девушка. Карета подана. Присаживайтесь, пожалуйста.

Элька посмотрела на этого, как их Вагоновожатого, что ли? Трамваеводителя? Из кабинки улыбался чудной парень - невысокий, плечистый, с плохо вымытыми волосами, болтающимися до плеч.

Глава 5

Эля сама не понимала, почему она села на этот трамвай. Пассажиров в нем не было, он явно шел в депо, а парень этот был точно странноват. Внешне и ничего, вроде, но какая-то сумасшедшинка чувствовалась - то ли во взгляде, то ли в чуть чудноватых движениях головы, он все время поводил головой, как будто старался освободить шею. Развернувшись всем телом к своей пассажирке, парень молча смотрел, как Эля забирается в вагон, потом закрыл двери, вышел из кабинки и опустился перед ней на колено. Взял ее руку, поднес к губам. Эля так ошалела, что даже руку не отняла - а он слегка прикоснулся губами к ее кисти и отпустил.

– Ты, наверное, принцесса, которая должна потом превратиться в Золушку. У таких как ты – все наоборот. Я тоже такой. Присаживайся.

Парень широким движением руки показал Эле – проходи, мол. А сам шмыгнул в свою кабинку, выскочил, бросил на сиденье куртку.

– Трона предложить не могу, но куртка новая. Так что садись, не сомневайся. Меня, кстати, Никифор зовут. Вот такая лабуда. Но для тебя Ника. Как для своей.

Эля села на куртку, снова себе удивляясь. Кто бы сказал ей пару часов назад, что она усядется в пустой трамвай к дурковатому вагоновожатому (ну точно, это так называется),

приземлится на его куртку и вместо того, чтобы поехать на Егоркину тусу отправится в депо, не поверила бы ни в жизнь. Никифор (ну ладно, пусть Ника) крутанулся на довольно высоких каблуках остроносых ботинок и ломанулся к своему рулю. И от него чем-то пахнуло – то ли дешевым одеколоном, то ли женскими духами. Трамвай потихоньку тронулся, за окном начала проплывать мутнеющая к вечеру Москва, а Эля сидела на куртке, как на троне и чувствовала себя полной дурой.

–Ты, если хочешь, иди сюда. Мы сейчас по парку поедем, там ни души не будет, никто за одно место не возьмет. А я тебе порулить дам.

Эля, как завороженная встала, прошла вперед. Пахло, действительно, одеколоном, она вспомнила этот запах. Так воняло от соседа снизу, особенно, когда тот возвращался на рогах. То ли пил он этот одеколон, то ли портвейн задушивал, что бы жена сковородой не врезала. А та могла. Здоровенная, толстая, как корова, выше своего задрыжистого муженька на голову, она вставала в дверях, держала что-нибудь, вроде скалки наперевес, смотрела зло, как гиена из книжки. Однажды она отходила "свою пьянчугу" вдоль хребта, и тот пришел к отцу, долго сидел на кухне и плакал. И потом из кухни вот эта вонь никак не вытравливалась, несмотря на то, что нервная мама чадила индийскими палочками.

– Ага. Шипр. Люблю, кстати, он мужиком пахнет. Не думай, не пил. Давай сюда.

Эля поняла, что он заметил, как она брезгливо принюхивается, ей стало вдруг неудобно. Она подошла поближе, уставилась на кнопки и рычажки на панели управления

– Ну вот. А говорил, что порулить дашь. А у тебя и руля никакого нет, наврал.

Ники вдруг обхватил Элю за талию, притянул к себе, подвинулся, усадил рядом.

– Тут просто. Туда фигак – поехали, сюда – встали. Тут направление, их три, трамвай сам по рельсам катит. Давай. Пробуй.

Эля, затаив от страха дыхание, двинула рычажок вперед, травмай покатился быстрее. И такой восторг вдруг она испытала, что захотелось завизжать. Громко, тоненько, как поросенок. А еще ей показалось, что с нее вдруг спала та темная штука, душившая ее все это время, не дающая жить. И она завизжала, точно так, как хотела – громко, звонко, противно. А Ники хохотал, почти незаметно поправляя ход трамвая, и в открытые окна летели какие-то пушинки и лепестки.

– Приехали, Эльк. Тормози. Ты только выйди, сядь вот там на лавочку, а то у меня смена злющая. Баба Нюра – волчица она!

Он прогудел это, как трамвайный сигнал, достал какие-то карточки, а Эля взяла с приборной доски вязание. Пушистое, легкое из черной пряжи.

– Это что? Ники, только не ври, правду говори.

Эле вдруг показалось, что она знала этого парня тысячу

лет. А тот растянул вязание, кинул его на плечи, это оказался шарф.

– Только не ржи. Это я вяжу, бабка научила. Классно, хочешь тебя научу?

Обратно они шли по узкому тротуару почти параллельно трамвайным путям. В парке уже совсем стемнело, они тащились еле-еле, да и быстро не побежишь особо, Ники вел свой личный транспорт – старенький велосипед. Что-то летело и кружилось в темнеющем воздухе, это было похоже на снег, и Эля поняла - запуржили тополя. Так рано, совсем не по времени, видимо эта слишком теплая весна перепутала все на свете. Но Эле нравилось, она ощущала эти пушинки снежинками, ей даже хотелось высунуть язык и поймать несколько...

– Ну, мать ушла. Плохо, конечно, но пережить можно. Она же не бросила тебя, она рядом, ты всегда поехать к ней можешь, да она и любит тебя. А моя пьет.

Ники говорил тихо, его странный, как будто ломаный голос успокаивал, и у Эли окончательно сполз с сердца свинцовый камень. Она слушала его, чуть покачивала головой в такт его словам, так всегда было в детстве, когда мама читала ей стихи из зеленого тома - они были похожи на заклинания, вот примерно это она и чувствовала сейчас.

– Напьется, приползет, валяется на полу. А мы с братаном ее дотащим до дивана, затянем кое-как, одеялом накроем и сидим. Жрать нечего, пьем воду горячую, вроде чай. Это я сейчас работаю, хоть жрать есть на что купить. А было...

Эле показалось, что в свете редких фонарей, как будто заблудившихся в парке, на щеке Ники что-то блеснуло. Но он тряхнул головой, резко развернулся к Эле, щелкнул ее по носу.

– Не грусти. А давай я тебя промчу! Донесемся, как на крыльях.

Эля уселась на раму, и они понеслись через темный парк, и вдруг поднявшийся ветер свистел в кронах черных деревьев.

Глава 6

– Вот где ты ходишь, Элеонора? Возвращаешься за полночь, ничего не рассказываешь, матери нет, так ты решила, что тебе все можно? Я вот той бабушке расскажу, пусть она воздействует, нет на тебя управы.

Эля молча прошла на кухню, чуть задев бабушку плечом. От нее пахло пирогами, да так вкусно, что у Эли подвело живот к позвоночнику, в последнее время она так мало и редко ела, что даже забывала, когда это было в последний раз.

– Баб, не тошни. А бабе Гелене я объяснила уже, что у меня парень есть. И я, может, замуж за него пойду. Она говорит, что я дура, но не очень большая.

Бабушка с размаху села на стул, вытерла руки о фартук, всплеснула ими.

– Вот тебе! Бабе Гелене она сказала! А я тут что, домохозяйка вам? Никто мне не говорит ничего, сутками пропадают, отец вон тоже шлындрает, как молодой. Ты, кстати, с матерью-то их сводила тогда, в кафе? Он просил.

Эле вдруг стало так тошно и так тоскливо, что захотелось тоненько заскулить, но она любила бабушку и взяла себя в руки. Схватила из немаленькой пирамидки еще теплый пирожок, разом умяла его, потом еще один, вытащила из холодильника бутылку кефира, налила в стакан.

– Да приезжала она. Бесполезно. Папа, как пес хвостом крутил, она, как льдина. Не будет ничего, все кончено у них.

Бабушка всхлипнула, вытерла глаза полотенцем.

– Такую семью разрушила, сучка она, мать твоя. Небось нового хахаля завела.

Эля устало присела, тихонько сказала.

– Да ладно, баб. Ей тоже счастья надо. Она, знаешь, помолодела даже, улыбается все время. А я уж и забыла, как она улыбается. Пусть.

Бабушка взяла скалку, в сердцах раскатала кусок теста на весь стол, плюнула, сложила конвертом.

– Ага! Все счастливые. И девка никому не нужна, всем только в тягость. Хорошо, хоть в институте дотянула до ГОСов. Черти все какие-то, раньше так не было.

Эля помыла стакан, хотела было уйти в комнату, но бабушка ухватила ее за рукав.

– Ты с женихом- то знакомить собираешься кого? Или так выскочишь? А?

Эля поморщилась, отняла руку.

– Я к маме его повезу на той неделе. Она и свадьбу с бабой Геленой устраивает. Я сообщу. А пироги кому?

Бабушка швырнула скалку, *м*ахнула рукой.

– С Геленой, значит? Ну-ну. А пироги папкиной новой даме! Не слыхала, небось? Он тоже теперь жених!

...

– Заходи, Эль. Только не разувайся, грязно у нас. Мамка

опять гульбанила вчера со своими, спит сейчас.

Эля вошла в прихожую, в смутном свете тусклой лампочки одиноко болтающейся под потолком рассмотреть что-то было невозможно. Но был запах, от которого даже подкатило к горлу. Запах был жутко противный, сложносочиненный и почти не узнаваемый, Эля такого еще не нюхала, но, видно, пора начинать. Пристроив шубку, которую ей отдала мать на стул, она прошла вперед, в комнату, остановилась у круглого стола, накрытого нечистой скатертью, сморщилась.

– Чем это воняет, Ника? Прямо дышать нечем. Может, окно открыть?

Ника дернул створку окна, в комнату ворвался свежий воздух, стало полегче.

– Перегар, Эльк. Да выварка кипит, белье мать поставила спьяну. Проспится, выполощет, я слежу.

Эля осторожно прошла на кухню, положила пакет с шампанским и конфетами на стол. Здоровенная, чуть не до потолка кастрюля (это, видимо, и была выварка) пыхтела вонючим паром, на столе валялся кусок обветренной колбасы, и им очень интересовался здоровенный рыжий таракан.

– Ну? И чего ты меня позвал? С кем знакомить будешь?

Эля вдруг обозлилась. Звал, между прочим, с матерью хотел познакомить, она нарядилась сдуру, сапоги, вон, новые напялила. Шубку. А теперь тараканов домой принесет.

– Ну ладно, Эль. Прости. Мы не тут будем жить, у мамки еще квартира есть, она правда в жопе мира, но там пусто.

Квартирантов выгнала, мы с тобой завтра поедем, там порядок наведем, все пучком будет.

Эля оттолкнула его руку, он что, думает, небось, что она в этом тараканьем домике под вонь перегара с ним уляжется? Нет уж! Хватит. Хватит с нее лавочек в парках, общаг и прочих халуп. Замуж так замуж! Потерпит!

И, сунув ноги в сапоги, кое-как накинув шубку она скатилась вниз по лестнице, постояла у подъезда, подышала. Думала, Ника ее догонит, проводит что ли Но он не спустился. И Эля, дождавшись автобуса, потащилась к метро.

Глава 7

- Эленька! Иди, милая, я тебя с тетей Леной познакомлю! И мы тортик принесли, сейчас чай будем пить

Эля с удивлением прислушалась. Она даже сначала и не узнала голос папы - он звучал игриво, в духе баритонального дишканта. Так говорила ее чудная учительница пения в музыкалке, она не выговаривала кучу букв, что не мешало ей руководить их сводным хором. “Дишкант” отца был елейно нежным, у Эли даже слиплось внутри, она выглянула из комнаты, поспешно натягивая курточку пижамы. Увидев гостью, ойкнула, скрылась за дверью, крикнув - “Я сейчас”.

А в коридоре началась какая-то возня. Гостья верещала таким голосом на самых верхних нотах большой октавы, что звенело в ушах, чуть хриплый голосок бабушки гостеприимно и растерянно вторил, а папин дишкант раскатывался где-то внизу, расстилая всему этому шершавую подстилку. Все там явно было по любви, и Эле вдруг стало как-то двояко. Бывает так, где-то внутри головы две диаметрально противоположные мысли сначала идут рядом, как параллельные прямые, а потом вдруг сталкиваются сторонами, пытаясь влезть в одну колею. Она задумчиво посмотрела на свою растрепанную голову, захватила вечно торчащие кудри в мощный хвост, вытащила домашний комбинезончик. “Черт ее знает, может к ее приходу маленькое черное платье надо надевать?

Фря какая-то... Ну ладно, обойдется".

Какая-то дурацкая ревность вдруг резанула ее изнутри. Ей стало обидно за мать. Ведь каков страдалец, только недавно Бога молил за возвращение заблудшей, как бабка рассказывала, несколько недель назад плакал в кафе, умоляя мать о пощаде - и вот! Тетя Лена! Получите, распишитесь. Новая мама вам на подносе. Эля злобно швырнула тушь на столик, напялила комбинезон, глянула в зеркало. Оттуда глядела умытая мышь с конопушками на носу. "Краситься даже не буду. Пусть видит натурель! Тетя Лена, мать ее!"

Зазвонил мобильник – отец подарил ей новый на днях вместо здоровенной лопаты старого Нокия. Крошечный, серебристый, изящный, как старая пудреница, и на крошечной фотке появилось чуть дурноватое лица Ника. Они специально сделали такие фотки - с мордами подурнее, поставили друг другу на мобилы.

– Ну что, Ник? Ты прямо вовремя, как обычно. Хотел чего?

Ника после последней ссоры вел себя, как шелковый, вот и сейчас его голос был елейным, почти как у отца.

– Сказать хотел, что завтра к матери твоей можем рвануть. Я день взял за свой счет, ты как?

Эля вдруг почувствовала, насколько она рада его звонку! И нет ведь внутри ничего особо, а рада. Вот этот трамвайный принц, наконец. уведет ее в свой дворец от поганой жизни, от этой дури стареющих предков и их перезрелых чувств, и

они заживут своей – чистой, молодой и радостной.

– Да нормально, Ника. У меня последний экзамен завтра, говорила же. И сразу после рванем. Ты только знай, то в жопе мира. Три дня на оленях. Готов?

Ника хохотнул в трубку, потом явно чего-то глотнул, закашлялся.

– Кефиру тут купил, на обеде я. Готов, а чего. Хочешь на трамвае рванем?

У Эли уже отпустило внутри, раздражение растворилось, как сахар в чае, она улыбнулась своей красивой мобилке.

– На электричке попендюрим. Встречаемся на Курской, билеты купи до Электрогорска. В пять!

В зале уже был разложен стол, в центре красовался тортик "Птичье молоко", папин любимый, рядом высилась целая гора бабушкиных пирогов, целых три коробки конфет, две вазочки с вареньем, мед. Явно кто-то хотел разом покончить с жизнью от приступа диабета, у Эли даже от взгляда стало сладко внутри.

– Вот, детка. Знакомься. Это тетя Лена. Моя будущая жена!

Бабушка явно не ожидала такого поворота, плюхнулась на стул, чуть не расколошматив тоненькую чашечку с сиренью из своего парадного сервиза. Так и замерла, держа ее в руках. Эля отняла чашку, поставила ее на стол, погладила бабушку по рыжему кучерявому затылку, это в нее она была кудрявой, как черт.

– Здравствуйте Елена. Извините, как вас по отчеству?

Тетя Лена растерялась немного, буркнула – Михайловна. А папа, вдруг перейдя с дишканта на свой обычный, ляпнул

– Зачем тебе отчество! Мамой будешь называть.

Тут Елена Михайловна собралась, подошла поближе, ласково глянула. У нее были круглые змеиные глазки, довольно морщинистое, но тщательно выделанное лицо, идеальный блонд на редковатых волосах и модная помада на неожиданно пухлых при такой внешности губах.

– Ну, зачем, Александыр?

Она так и говорила - “Александыр”. Прямо подчеркивая это “ы”, как будто это был Мойдодыр. Эля неожиданно хихикнула и смутилась.

– Всему свое время. Эленька привыкнет, мы найдем общий язык, все будет хорошо! А теперь давайте чай пить!

Будущая мама раскрылилась гостеприимно, как будто уже приняла на себя хозяйство в их доме, и убежала на кухню, погромыхивая костлявыми пятками по паркету.

– Эля! Я тебя прошу! Просто умоляю! Путь повежливее с Еленой, уважай мой выбор. Пожалуйста.

Эля села за стол, налила совсем растерявшейся бабушке чаю, положила ей на тарелку кусок торта.

– Бабуль, отомри. Все у нас пучком. Новая мама прибыли

Глава 8

Ника дурил. У него прямо с утра было такое придурковатое состояние, потому что когда Эля ему позвонила в перерыве, то он сначала не ответил, а потом сообщил, что влюбился в другую. И когда Эля ошалело спросила - “Что?”, он заржал, как конь, быстро задышал в трубку, изображая это самое, и сказал.

– Да, не бойся, малышка. Шутю. Настроение хорошее сегодня, премию дали. Так что твоей маман отвезем вина, апельсинов, и чего там она еще любит?

Эля в сердцах бросила трубку. В последнее время Ника стал ее раздражать вот такими шуточками, как будто на него что-то находило. А на днях она его увидела в сквере около своего института. Он сидел на лавочке и вязал шарф. Люди шли мимо, как-то странно и стеснительно поглядывая на плечистого парня, быстро мелькающего спицами. Эля спряталась за столб и смотрела из своего укрытия. А Ника довязал ряд, натянул шарф на голову, посидел так, как старушка на завалинке, потом быстро смотал вязание и сунул его в пакет. А Эля к нему не подошла.

“У него, Эльк, поведение странное. Чудной он какой-то. Ты не замечаешь?” - самая близкая подруга Елизавета, дико ненавидящая свое имя и представляющаяся всем кокетливо “Лиззи”, смачно курила, сидя на подоконнике и шуст-

ро писала ручкой на голой ноге тезисы. Эля сунула ей, было, шпаргалки, но подруга не взяла, сморщила нос.

– Да ну. Я залетела вчера с твоими шпорами, на ноге лучше. Так что скажешь?

Эля пожала плечами. Она села с ногами на широкий подоконник, молча смотрела вниз на медленно летящие с тополей последние листья. Она тоже стала это замечать. Ника, действительно, был с чудинкой, но эта чудинка казалась доброй, не агрессивной. Да и кто без этого, она и сама...

– Ну, чуток. Но не кардинально. Нормальный парень, чего ты привязалась. Да и поздновато менять что-то, мать с бабкой свадьбу такую развезли, ресторан сняли. Вчера, вон, за платьем ездили, дорогущее купили. Назад идти некуда, за нами пустота.

Лиза яростно вдавила окурок в консервную банку, поправила дикий еж из кудрей на маленькой головке, с досадой заглянула в пустую пачку.

– А ты вообще, чувствуешь к нему что-то? Или так, лежишь, как колода? У вас оно самое было?

Эля вздохнула, слезла с подоконника, сунула зажигалку в рюкзак.

– Да ну... Любишь-не любишь-плюнешь-поцелуешь Хрень. У нас, знаешь какая квартирка образовалась, да в Москве, кстати? Куколка прямо, рядом с метро. А если б не он, то мне куда? В съём материн в мухосранске, на один диван с ней? Так у нее мужик там завелся, нюхом чую. Или к

папашке и новой маме, крымзе этой белокурой? Она как раз полоумная, целыми днями сортир с ванной драит, и полы пылесосит. Бабка аж шугается, боится пукнуть, та сразу весь дом дезодорирует. Нет уж. Я лучше с чудным Никой, чем с дурной мачехой. Вот так вот!

Лиза наморщила носик, покачала головой.

– Ну. Не знаю. Я, вон, от своего Алика тащусь, он у меня секси.

Эля глянула на подругу, пошла к аудитории.

– Маленькая ты еще. Вырастешь, поймешь.

Последний экзамен у Эли пролетел, как по маслу. Да она и не ожидала другого, все вызубрено, она не терпела выглядеть дурой. Диплом теперь в кармане, бабка уже и работку ей нашла не пыльную, помощником мелкого банкирчика - секретаршей, короче. Свадьбу пережить - и все. Дальше поглядим.

Ника выглядел, как Том Круз, джинсы туго обтягивали чуть угловатые бедра, широкие плечи казались особенно широкими в новой куртке по пояс, длинные волосы он собрал резинкой, и это тоже ему шло. Правда маленькие, немного мышиные, серые глазки и узкий рот портили картину, но Эля давно привыкла к этому и даже не замечала. В руках у него был пышный букет гвоздик (видно, что успел схватить) и спортивная сумка, похоже тяжелая.

– Элька! Ну заждался уже, где ты бродишь? Электричка через пять минут, она тут раз в два часа ходит. Давай! Бегом!

И они рванули с места. пронеслись по перрону, влетели в вагон, и Эле вдруг показалось. что нет ее счастливее.

Глава 9

Вагон был битком. Время, видно, они выбрали неудачное, как раз час пик, весь народ из подмосковных городишек ломился домой, а поскольку они опоздали, то место досталось только Эле. Она садиться сначала не хотела, но Ника довольно грубо подтолкнул ее к лавке, придавил, нажав на плечи, заставил сесть.

– Садись, дурыща. Тут потом знаешь какое давилово будет, в Новогиреево стадо вопрет, мужики друг друга пинками будут забивать. Сдохнешь от духоты, а тут хоть в окно будет воздух. Сиди.

Эле очень не понравилось, что она "дурыща". Она вообще стала замечать в своем будущем муже некоторую мужиковатую фамильярность, причем довольно противную, вроде он был вечно подшафешный сантехник. Это заметила и Лиззи - на днях они были в Ванили на Кропотке, бой-френд подруги был конкретен, могуч и изысканнен, а когда мужчины ушли курить, Лиззи задумчиво сказала.

– Ну да... Из осинки не родятся апельсинки...

– У...

– Что?

Лиззи выплюнула соломинку, оглянулась, залпом допила коктейль прямо из стакана.

– В смысле. Какое "У".

– У осинки. Ты что в виду-то имеешь?

Лиззи покрутила пачку сигарет, досадливо сунула ее в сумку.

– Я своему не признаюсь, что курю. Не любит. Так что имей ввиду – вагоновожатый он и есть вагоновожатый. Ты, мать, знаешь, что есть "мезальянс"?

Эля ответить не успела, потому что мужчины уже подходили к столику. Ну, а если бы успела, то переплюнула всех вагоновожатых мира. Вот и сейчас. Сидела она на своем сиденье, смотрела в окно. А смотреть на Ники ей было неохота, потому что он самозабвенно ковырялся в носу. А когда в Новогиреево в вагон действительно поперла черная толпа, вытащил палец из носа, вытер его о джинсы и полез прямо по коленям сидящих, чтобы встать у окна напротив Эли.

– Ненавижу электрички, Эльк. Мы раньше в Петухах жили, не поверишь. Я, правда, не помню особо, малой был. Но вот этот дух электричечный въелся прямо под кожу, фу, бля...

Ника грязно выругался, вокруг никто не удивился, все восприняли, как должное. Эля и сама могла подпустить обсценна, но ее почему-то жутко покоробило. Даже щеки загорелись, как будто их шпарануло кипятком. Жених постепенно раскрывался ей с разных сторон, но нравилась ей только одна. И то - она уже не была особо в этом уверена.

Народ как набился, так и испарился потихоньку. Половина высыпалась в Купавне, потом у Электроуглях, а там уже

и места свободные появились. Дышать стало легче, правда начало вонять почему-то спиртным и пирожками, жареными явно на машинном масле. Ника оглянулся, покрутил головой вокруг, хмыкнул.

– Во, гады! Фанфурики продают, прямо здесь. Вон, глянь - видишь старуху с сумкой? Она! И пирожки у нее с кошатиной. Тебе шоколадку дать, я купил?

Эля покачала головой. Какую, нафиг, шоколадку в такой вони. И что? Мать вот так каждый день на работу ездит? Жуть...

Электричка медленно ползла вдоль перрона. Города видно не было, может быть его и вообще здесь не было, и он Эле лишь привиделся в прошлый раз Но Ника уверенно потащил ее к выходу, они пронеслись к мосту, так же моментально перемахнули через него, и Эля выдохнула - город был! Правда, маленький, смущенный, похожий на деревню, в которой понастроили пятиэтажек и сельпо, только площадь перед вокзалом казалась очень городской - торжественной и нарядной.

– Эльк! Ну что ты, как мороженая. Быстрей давай, последняя электричка в Москву в десять, только успеем чаю хлебнуть. Или ты здесь заночевать решила?

Эля встрепенулась, прибавила скорость, они вскочили в чудную маршрутку, похожую на скорую помощь из старых фильмов, и они поползли по узкой улочке, засаженной тополями. А мама их встречала не одна Рядом с ней толокся, как растерянный бизон, огромный мужичина. Ростом, на-

верное, на две головы выше матери, метровый в плечах и жгучий брюнет. Мать рядом с ним казалась дюймовочкой, правда она немного поправилась и уже не создавала впечатление стрекозы, севшей на прутик. Она опиралась на руку бизона и напряженно всматривалась в подходящий автобус. Наконец она разглядела Элю, подпрыгнула от радости, замахала рукой. И мужик тоже поднял свою значительную длань, изображая приветствие.

– Маааам! Это Ника! Никифор. Но он не любит это имя, правда, Ник?

Мать хотела что- то сказать, но у нее округлились и так большие глаза, она странно смотрела куда-то за Элю. Элька повернулась и обалдела. Ее будущий муж стоял на одном колене прямо на не очень чистом асфальте, одной рукой держал букет гвоздик, а другой ловил мамину руку. Наконец, поймал, пользуясь тем, что та застыла в ступоре, поднес ее к губам и почтительно склонил голову. Спас положение мамин мужик. Он подхватил Ника под локоть, поднял, буркнул.

– Привет. А я Владимир. Можешь так и называть.

Глава 10

Нет, Эля на мать не обижалась. Вернее, не то что бы не обижалась, она понимала ее. К полтиннику дело, муженёк ни рыба ни мясо, хотя сейчас, с новой женой отец как-то развернулся, окреп, даже стал шире в плечах. Да и не в этом дело, наверное. Мать как будто встала перед стеной - дочь выросла, вот-вот улетит, как птичка в чужое гнездо, и она останется с нелюбимым мужем и старухой один на один. Они и не принимали ее особо за свою, в квартире их она была работницей, права на нее не имела, они даже ее, Элю, сумели обойти при приватизации, хотя она и родилась здесь. Даже прописана была, а фиг. Права не имела. Да и не в этом дело было. Эля, хоть и подростком была, а видела, как мать брезгливо сжимается, когда у ней прикасается отец. Она этого не понимала. Нафиг замуж идти, если мужика не любишь? Хотя сейчас и сама делала тоже самое...

К подъезду машина Владимира подкатила изящно. Она у него хоть и старая была, но крутая, Эля не особо разбиралась в японских тачках, но эта прямо вот вообще!! На сиденье рядом с Владимиром сидела мама, она с интересом крутила красивой головой в шелковом платочке, капризно выпячивала сильно накрашенные губы, явно кокетничая, и Эля поняла - мать в порядке. Она помахала ей в окошко, Эля улыбнулась в ответ, прыгнула в машину на заднее сиденье и по-

чувствовала себя прекрасно. У них никогда не было машины. Отец как-то и не особо стремился, то ли водить боялся, то ли денег не было, мотались везде на общественном транспорте, а тут на тебе. Бойфренд с тачкой.

– В салон поехали, там выбор побольше и недалеко. Как ты, Эль?

Эля великодушно кивнула головой. Пусть думает, что хорошо, да оно, в общем, и неплохо, только бы побыстрее к мужу свалить.

– Ты не перебралась к нему ещё? Вроде, вы теперь норм не блюдете.

Мать так и сказала "Блюдете". Эле вдруг стало смешно и немного противно. Нормы она блюла. Причем не сама, а при помощи будущего мужа. Он, почему-то не спешил перевозить ее к себе.

– Ну, ясно. Осталось немного, потерпи. Я тебя даже к себе не могу сейчас позвать, Владимир мать перевозит к нам, мы квартиру меняем. И новую покупаем. Вот так.

Мать прятала глаза, но Эля и не искала ее взгляда. Она задумчиво смотрела на дождь. Он лупил по стеклам машины, казалось, навечно застрявшей в этой жуткой пробке на МКАДе, и, похоже, норовил вышибить их нафиг. Вода стекала струями, мешалась с грязью и начинающимся снегом, все вокруг было зыбким и исчезающим. И Элина жизнь тоже. Все рушилось и исчезало, люди, которые совсем недавно были близкими превращались в чужих, а чужие лезли в близ-

кие. И зыбкость эта, наверное, стёрла бы с лица земли и Элю, и ее мать, если бы не четкий, как будто выточенный из камня профиль Володимира. Он уверенно вел, вальяжно и легко держал руки на руле, иногда красиво прикуривая и пуская дым в приоткрытое окно. И Эле казалось, что он именно тот якорь, который держит их с матерью, не давая улететь в это приоткрытое окно, как последним листьям мерзко-дождливого ноября.

– Девочка полненькая. На сорок восьмой у нас выбор, конечно, меньше, но кое-что предложить могу.

Мать стояла напротив здоровенной, как шкаф продавщицы, и лицо ее ничего хорошего не предвещало. И она бы не сдержалась, если бы не Владимир. Тот подошел к этой менеджерице, широко улыбнулся, сообщил доверительно.

– Так нормальный мужик только таких женщин и ценит. Как вот эта невестушка. И вы! Настоящие же красотки, прелесть же. Я свою женщину тоже вот откармливаю, она у меня худышка.

Корова Ламберти расплылась в такой ослепительной улыбке, что задний мост на нижней челюсти, наследие советской стоматологии сверкнул золотом, ослепив. И, подплыв павой с Владимиру, прожурчала.

– Настоящие мужчины знают толк в женской красоте Для вас у меня есть особое платье. Своей дочери два привезла, одно осталось. Одну секунду...

Зыркнув зверем на вошедшую немолодую пару она кину-

ла им “Ждите” и вплыла в подсобку, задев крутыми боками оба косяка разом.

Когда Эля надела платье, произошло чудо. Совершенно простое, но из дорогой ткани, похожей на очень плотный шелк, оно разом прятало все недостатки, превращая фигуру почти в идеал. Эля растерянно вышла из примерочной, менеджериха (у нее на бейджике была гордая надпись “Менеджер Арина”) радостно кивнула, по прежнему бросая лучезарные взгляды на Владимира, и рявкула.

– И никакой фаты. Подберешь свою гриву повыше, сделают гирляндочку из натуреля. Я адрес дам. Ну вот, а говорят не важно, какой фасон.

Мама возникла тенью из-за спины Владимира, аккуратно спросила.

– А цена

Менеджер Арина написала на бумажке, отдала ее Владимиру, и даже у него, такого невозмутимого, чуть поднялась левая бровь. Но он кивнул, что-то шепнул матери на ухо, хохотнул.

– И упакуйте покрасивее... Ленточкой там, шелковой.

Тетка было свела брови в кучку, но Владимир сунул ей шоколадку и добавил.

– В кино это. Шучу...

Глава 11

Свадьбу мать с бабушкой устроили пышную. Все было, как надо - ресторан, торт, икрища. Загс был с этими его кольцами и торжественными речами, а Ника с его дурацким хвостом, который он отрастил как-то странно быстро, сюда совершенно не вписывался. Как ему удалось это вырастить, то ли Элька не замечала ничего особо, то ли откормили они его на маминых и Володимировых харчах, но по строгому пиджаку, которые мама ему отслюнявила на свадьбу, эта крысиная штучка, стянутая резинкой елозила весело, прямо под бравурную музыку - туда, сюда.

Эля испытывала странное чувство. Ей нравилось, что у нее такая свадьба. Вот прямо “на сердце ложилось”, как говорила вторая бабуля. И машина, и платье, и шарики даже. И лепестки роз, которыми их осыпали по дороге. Почему-то эта свадьба вызывала у нее очень странное и сосущее чувство - и приятное, вроде и болезненное. Как будто она была Золушкой, и вот-вот карета превратится в тыкву.

А Ника кружил в танце с мамой. Он слегка подвыпил, мама не слегка, и танец их отдавал чем-то неприличным. Мелькающая мамина ляжка, конечно стройная, худосочная даже, пируэты, которые она выделывала, откидываясь назад в сыночкиных руках и показывая в декольте упругие не по возрасту сиськи, вызывали усмешливые взгляды гостей, недо-

уменные - мамы и бабушек, удивленные Владимира. А Эле хотелось взять вилку со стола и тыкнуть ею в свекровье бедро, да так, чтобы квакнуло. Но она, конечно, гнала от себя эту мысль.

Ника в конце танца взвалил маман на руки, отнес ее на место, усадил, чмокнул руку и пошел к своему месту, победно глядя по сторонам. “Во!” - так и кричал его взгляд - “Какая у меня мамка. Не то что невеста, толстая курица”.

Конечно, Ника так не думал. Но Эле вдруг показалось, что именно так

...

Свадьба улетела, как весенний ветерок - настала ночь вместе с суровыми буднями. Эля неожиданно окунулась в семейную жизнь, так же неожиданно поняв несколько вещей. Первая - она в ней, в этой жизни ровно ничего не смыслит. Второе - она, эта семейная жизнь ей - Эльке, как-то и не особо нужна. Третье - она, эта семейная жизнь как-то не особо нужна и Нике. И четвертое - Элька и здесь как-то не особо была и нужна.

Жизнь их проходила легко и однообразно Встали по будильнику. Эля сварила кофе, кое-как нарезала бутерброды. Убежали на работу, каждый на свою. Пришли вечером. Потолкались, не зная особо о чем говорить. Ну, не говорить же о Никином трамвае, а о Элькином банке, в котором она работала помощником руководителя тоже говорить не хотелось. Хотя бы потому, что Ника тупо ничего не понимал. И

понимать не хотел.

А вот о маме они говорили. Эля и не знала о какой-то бешеной, совершенно патологической привязанности неожиданно приобретенного мужа к матери. Мать - это был светоч, священная корова, ее можно было размещать на иконостасе. А то что она периодически валялась в отходах жизнедеятельности, накидавшись выше воротника, ничего не меняло. И то что ей приходилось все время отстегивать на выпивку - тоже. И то что на это шло больше ползарплаты Ника, и то что ему приходилось вторую половину отдавать матери на содержание брата, и то что Ника постоянно оставался у матери на несколько дней, а то и на неделю - тоже ничего не меняло. И через какое - то время Эле стало казаться, что они спят втроем. Она, Ника и Никина мать.

– Ну, потерпи, детка. Он ведь неплохой парень, тебя не обижает, мать свою любит, это о многом говорит. А то что чудной - тут ты сама виновата, знаешь же все про мезальянс. Пообтешется, все наладится. Надо немного времени

Эля смотрела, как шевелится ярко накрашенный рот матери. Она в последнее время раздобрела, похорошела, выглядела довольной и умиротворенной. Теперь они с Владимиром и его матерью, которую он все-таки привез, снимали двушку - городок был поближе к Москве, ездить стало намного удобнее... и стало очень чувствоваться, что у матери появилась снова ее жизнь. Неплохая, сытая и комфортная. Вот только в этой жизни стало намного меньше ее. Эли...

– Мам, знаешь. Он, если принесет чего-нибудь вкусного - сам ест. Или мы поделим на две части тортик, например, я оставлю себе на вечер, а он сожрет. Я вот не представляю, что бы у тебя с отцом так было. Или даже с этим...

Мама посмотрела удивленно, и ничего не сказала. Эля поняла, что ей сказать нечего. Ее все устраивает - у нее новая семья, они вот-вот переедут в свою квартиру, да и дочь пристроена. Муж! Квартира! Работа! Все тип-топ, жизнь сложилась.

– А знаешь, Элик? Мы скоро уедем на пару недель в отпуск, а вы поживите у нас. Подальше, за городом, побудете вдвоем, это часто помогает. А?

И Эльке вдруг понравилась эта идея. Маман эта чертова будет подальше, не попрет же она сюда на оленях.

– А бабка? На нас, что ли повесите?

Мама встала, вытащила сигарету - она больше не скрывала от дочери, что курит.

– Нет. Мы ее с собой. Там санаторий, можно.

Глава 12

– Ты охренел? Почему не на работе? А делаешь что?

Ника сидел за компом и увлеченно смотрел порно. Рядом с клавиатурой стояли бутылки из под колы, грязная тарелка с крошками какой-то еды и, почему-то, носки. И миска с виноградом - виноград этой зимой был такой конкретный по цене, Эля уже и забыла его вкус, не по деньгам было. А тут...

Ника кидал виноградину в рот, жевал ее быстро и по-хомячьи, потом плевал косточки в угол, да так мастерски, точно попадая в морду плюшевого медведя, который подарил Эле отец на день рождения.

– Ты слышишь меня? Ника!

Ника нехотя повернулся, вытащив руку откуда-то снизу, Эле даже не хотелось думать откуда, буркнул.

– Чего делаю, того делаю. Меня с работы поперли. Правда, с выходным пособием, типа отпускные. Что б без скандала.

Эля села на стул, стоящий прямо у двери. В принципе, зарплата вагоновожатого погоду в их доме не делала особо, тем более, что Ника отдавал ее бОльшую часть матери. Но сам факт...

– А за что? Наделал что?

Ника вытер руки о штаны, подтянул их, потому что все это выглядело совсем неприлично, плюнул косточкой, с сожалением посмотрел на пустую миску. Потом странно под-

прыгнул, схватил длинную спицу, выдернув ее из вязания, воткнул в переплет журнала - получился фланг. И помаршировал по комнате в сторону кухни, держа журнал за спицу, как флаг. Скандируя громко

– За! Нарушение! Трудовой! Дисциплины! И Недостойное! Поведение! Работника! На! Благо!

Тут он захлебнулся слюнями, зло глянул на Элю.

– А тебе-то что?

Эля медленно сняла перчатки, скинула шубку, которую на днях ей подарила мать с царевиного плеча, сбросила ботинки. Прошла в комнату, взяла медведя и вытряхнула их его мохнатой плюшки виноградные косточки. Та дурацкая бумажка с результатами тестов и заключением врача, которую она сейчас несла в сумочке, сама не зная зачем, годилась только на унитазные дела. И то не годилась.

– А ты что, жить на мою зарплату собираешься? Или на то, что бабка с матерью мои подкинут? Я не поняла

Нику вдруг, как будто сдули. Он швырнул свой флаг в сторону балкона, порыскал в углу, где стоял ящик с колой, но ничего не нашел, сплюнул

– Не боись! Я завтра в метро иду, у меня там дружбан работает, сказал, что возьмут на стажера. Хотя я и не обязан перед тобой отчитываться. Живешь ведь в моей хате, бесплатно, между прочим. И не задумываешься.

Ника поднял свой флаг, вытащил спицу. Потом сел за стол, и, сосредоточенно начал нанизывать спущенные петли.

– Вон, шарфы буду продавать. И носки. Да и вообще - пошла ты!

Эля растерянно сидела за столом. В холодильнике было шаром покати, видно все, что она принесла вчера благополучно перекочевало к матери. Ей не то что поужинать, даже чая было не с чем выпить, остатки печенья и четверть шоколадки тоже исчезли. Ника злобно стучал спицами, и Эля вдруг почувствовала себя такой нелюбимой. Ненужной, всем мешающей, как будто она была приблудной собачонкой, которой никто не был рад.

– Я пойду куплю что-нибудь. Дверь не закрывай.

Ника промолчал, вроде ничего и не слышал. Только еще громче застучали спицы, как он делал это, черт его знает.

Тихий снег уже припорошил дорожку сквозь аллею. В этом году зима пришла странно рано, как будто еще с сентября таилась где-то в городских парках, среди зарослей чудных кустов, покрывающихся осенью россыпью белых пухлых ягод. Именно в них пряталась зима - облепляла снежными шариками тонкие ветки, притворялась, что это не она, ждала. Эля всегда в детстве думала так, срывала эти белые шарики, лупала их сапожками, все ждала, когда из под ее ножек вырвется, наконец, освобожденный снежный вихрь. И всегда ошибалась.

Вот и сейчас их было полно Эля сорвала горсть, кинула под ноги, и вдруг, как будто озверев, начала давить их - зло, отчаянно и яростно. И в этот раз у нее получилось. Снег шел

все сильнее, начиналась влажная и волглая пурга, волосы моментально обвисли от этой мокроты, и не поймешь было - то ли снег валит, то ли дождь льет.

– Девушка. Вы вон еще парочку пропустили. Можно я? А то снег не утихнет, вы только разбудили его ярость.

Эля вздрогнула от неожиданности, развернулась на голос. Уже темнело, и лишних встреч в этой довольно камерной аллейке ей не очень хотелось. А владелец голоса ловко прыгал по рассыпанным ягодкам, не промазав ни разу. И когда он придавил последнюю, снег вдруг утих.

– Вам бы надо волосы протереть, заболеете. Хотите дам свой шарф?

Эля смотрела на парня. Победитель снежных шаров оказался невысоким, довольно крепким молодым мужчиной, с ласковыми очень темными глазами. И от того, что на его аккуратной бородке еще не растаяли последние снежинки, Эля вдруг подумалось про веселого Санта Клауса

Глава 13

Бумажка, которая жгла Элино бедро прямо через карман джинсов все эти дни, теперь лежала перед Никой. Прямо в развалах какой-то жратвы, которую он принес с работы (Эля с удивлением узнала, что их там кормят, а если что, то можно унести и с собой). Эта еда была даже вкусной, правда Эле она не особо доставалась - Ника работал сменами, и к ее приходу, как правило все доедал. Поэтому она приносила ужин себе сама, обходясь каким-нибудь кефиром, и вот эта семейная жизнь казалась ей каким-то сюром, бессмысленным и даже комедийным. Комедийным, если не принимать во внимание вот эту самую бумажку.

– Это чего?

Ника оторвался от своего очередного порно, сунул в рот последний кусок бутерброда, и схватил бумажку сальными от колбасы руками. Эля молча смотрела. Она уже понимала, каким будет эффект.

– Того. Не видишь?

– А чего? Ты вообще, что ли? Не предохранялась?

Сейчас Ника был похож на малолетнего идиота. У него даже челюсть отвисла, было такое ощущение, что вот-вот потечет слюна. Эля в сердцах выдернула из его пальцев свою бумажонку, скомкала ее с отвращением и выбросила в кучу мусора на столе.

– Что ты свинство такое развел? Я каждый вечер тут все убираю, нельзя поаккуратнее жрать?

Эля почувствовала вдруг как он ее бесит. Сейчас она вообще не понимала, что такое на нее нашло, что она выперлась за него. Саданув ногой по креслу, на котором сидел муженек, она смахнула все дерьмо на пол, и вдруг слезы перехватили горло до спазмов. Выскочив на кухню, она упала грудью на стол, наверное минут двадцать тряслась от беззвучных рыданий, но Ника не пришел. Его вообще в квартире не было. Как ветром сдуло.

___

– Схожу, конечно. Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя одну?

Голос матери звучал встревожено и настойчиво. Эля вообще-то думала, что она теперь одна с этим своим придурком на всем свете. И вот сейчас. когда на другом конце мира мама вдруг стала той, которую она любила когда-то, у нее в груди лопнула какая-то струна, державшая в напряге ее сердце, оно ворохнулось, его окатило чем-то горячим, и Эля снова заплакала. А мама уговаривала ее тихонько - долго, нежно, успокаивающе.

– Ты не бойся, здесь все серьезно, это хороший центр, хорошие врачи. И всего-то одна таблетка, мы вовремя решились. Хотя...

Мама вдруг напомнила Эле шамкающую старушку. Она сама не понимала, откуда такая ассоциация - сидит, вроде

молодая, красивая, стройная еще женщина, а похоже. Смотрит так растерянно, глаза мокрые. Эля поняла - у матери взгляд старушки. И причина этого - дочь.

– Мам... Я не боюсь, чего бояться-то. А вот ты. Что-то не нравишься мне.

Мама отвернулась, вытащила пачку бумажных платков, выдернула один. А остальные посыпались, запятнав белыми квадратиками темно-голубую плитку.

– Элька! Послушай! А, может быть, оставим? Ну, справимся все вместе, да и Никифор этот твой сраный в чувство придет. Он же не совсем скотина, а это родное дитя. Может, давай сейчас уйдем отсюда, поедем к нам Посидим, поговорим Поживешь у нас? А? Деточка?

Ну, точно, мать вдруг стала старушкой. Эле стало жалко ее, но решила она все железно - никаких дитятков.

– Он, не станет лучше, мам. И вообще. Я от него ухожу.

Мать прерывисто вздохнула. Сунула нос в платок, посидела так, унимая слезы, потом подняла глаза - и старушка исчезла. Перед Элей снова сидела ее мать - молодая стерва, умеющая ходить по чужим головам.

– Ну, да! Ты права. И уходи, не жалей ничего. А где жить - мы вопрос решаем сейчас, и я тебе обещаю - он будет решен!

И снова шел снег. Элю так крутило и мутило, что эта снежная пелена за окном казалась ей чем-то нереальным, как будто небо вдруг решило сорваться, накренилось, и плоско встало перед их домом, перегородив все нахрен, закрыв

мир, превратив его во что-то плоское, как противень. Был момент, когда она даже пожалела, что не позволила матери поехать с ней, а вдруг она сейчас умрет, и некому будет даже помочь. Ника домой не явился, хотя сегодня у него был выходной, и Эля лежала одна в темноте, держа в одной руке полотенце, а в другой пачку с мятными таблетками и ждала, чем же этот ужас закончится.

А закончился он как-то разом. Вдруг стало легче, как будто кто-то открыл окна и впустил свежий воздух. Эля аккуратно повернулась на бок, чтобы не спугнуть неверное облегчение и уснула.

....А потом она бежала по заснеженной аллее, ей было так легко и радостно, потому что она была не одна. Кареглазый и бородатый Санта Клаус шел рядом, как будто летел над землей, и от его улыбки Эле было светло.

Глава 14

Ника сидел на стуле с абсолютно идиотским выражением лица. А Эля злобно швыряла свои вещи в сумку! Колготки путались с бельем, казались жуткими бежевыми змеями, душащими все, что сумели обвить своими тягучими лентами. Хотелось распутать, особенно вот тот, офигенный браллет, который ей на днях подарила мать. Но делать это было некогда, потому что любое промедление могло остановить ее, она это чувствовала и спешила.

Эля забирала только свои вещи. Ничего из этих классных штучек, которые она купила для своего, как ей казалось, дома, ей брать не хотелось. И не просто не хотелось - было противно. Потому что вместе с ними - например вот с той свечой, в которую огонь как будто проваливался постепенно, превращая свечу в подсвечник, мерцающий изнутри таинственно и сказочно, она унесет то, от чего бежала. Нелюбовь Разочарование. Тоску.

– И куда ты? С папашке, что ли с этой его фрей и бабкой на ладан. Чего сорвалась-то?

Эля смотрела на мужа, как на столб. Он и был столбом, на котором кто-то ради шутки нарисовал выпученные глаза и идиотский вязаный шарф. Шарф он довязал, наконец, и теперь везде ходил в нем, даже спал. Вместо одеяла. Для тепла, блин.

– Тебе то что? Ты вон - сейчас сядешь перед компом и начнешь с рукой в штанах. И жрать один. Я тебе на фига?

Эля металась взбешенной кошкой по квартире, Ника провожал ее глазами и был похож на заводного болвана.

– Эльк! Ну прости. Я, может и правда, того Ну, невнимательный там. Так я так жил всегда, у нас не до хрени этой было. Привык. Хочешь, тебе цветы буду покупать раз в неделю. Не уходи...А?

Эля озверела еще больше. Она метнулась на кухню, забыла что хотела взять, вылетела, дернула себя за тунику, с силой натянув ее назад, выставив плоский живот.

– Цветы? А вот это, которое вот тут было? Тоже заведем заново? А вдруг не выйдет? И тогда я с тобой и с твоим шарфом буду один на один по гроб жизни жить? Да пошел ты!

С силой дернув молнию, она застегнула сумку, кинула на плечи шубку, сунула ноги в сапоги, встала у дверей, и вдруг успокоилась.

– Не. Ника. Я вообще не знаю, что на меня нашло, когда я за тебя поперла. Большого идиота в моей жизни не было.

Ника всхлипнул странно, как будто всплакнул, сказал каким-то не своим басом, как будто он его взаймы взял.

– Давай провожу?

Эля прыжком выскочила на лестничную клетку, утянула сумку.

– Не надо. Вот ту корову с толстой жопой, которую ты целыми вечерами рассматриваешь, проводи. На.

Эля, в общем-то, не ругалась особо. А тут такое завернула, даже язык защипало. И потом, когда ехала на такси с удовольствием вспоминала ошалевшую морду мужа - не ожидал.

...

– Комната твоя не занята, живи сколько надо. Мы с Еленой на месяц в санаторий уезжаем, так что ты как раз и с бабушкой побудешь. Она будет рада, ты к ней зайди.

Отец чуть поправился, повеселел, смотрел уверенно и вальяжно. Видно, жизнь с мамой Леной была неплохой, несмотря на то, что у них все время тусовалась ее дочь с кучей мелких, как горох детей. Дочь была волглая, как напитанная водой вата, смотрела, как дойная корова, а вот дети носились по квартире со свистом, Эля даже не успевала за ними следить.

– Не беспокойся, они будут дома. Вы с бабушкой одни поживете, я же понимаю, что мои внуки тебе не нужны.

Мама Лена смотрела на Элю свысока. Она совсем стала похожа на каланчу, черт ее знает, как в таком возрасте можно быть такой худой, не иначе не жрет, в принципе.

Эля хотела ответить в духе “Нет-нет, вы что, мне они очень нужны и совсем не помешают”, но язык не повернулся, и она кивнула.

Бабушка сидела на кровати в не очень чистом халате и молча смотрела на вошедшую Элю. Она вдруг так резко сдала, что Эля даже и не сразу поняла, что это ее румяная, ры-

жая, деятельная бабуля, от которой всегда пахло пирожками. Старушка чуть трясла головой, и периодически прикладывала к щеке бумажную салфетку - у нее из одного глаза текла слеза. И эти салфетки, скатанные в шарики, валялись по всей скомканной постели вместе с конфетными фантиками и огрызками яблок.

– Ты, Элюшка? Ты зайди, я против света не вижу ничего. Ты в гости?

У Эли резко защипало в глазах. Она бросилась к бабушке, которую как будто кто-то потерял в лесу, как ребенка, обняла, покачала, баюкая, зашептала на ухо

Ничего, ничего, бабуль. Я вернулась, все тут у тебя уберу, намою Мы с тобой пирожков напечем Ну, не плачь.

Так и сидели, обнявшись, пока за окном не начало темнеть. А потом Эля уложила бабушку, прикрыла одеялом, а сама ушла в свою комнату. И сидела так до утра, глядя как мотается за окном почти сломанная ветром ветка. И эта ветка очень была похожа на нее, Элю.

...

– Эля! Ты слышишь меня? Мне мама звонила, тебе место такое классное нашли. Фирма крутая, зарплата отличная, ты съезди к бабушке, она все объяснит. Там уже договоренность есть, все слажено. Давай, не телись

Эля, в принципе, знала, что ее вторая бабка почти всесильна. Что и работа будет то, что надо, и все - то что надо. Но она бы ни за что не стала этого делать, если бы не ЭТО.

А ЭТО жгло ее изнутри напалмом - она просто должна была изменить все! Внешность! Мысли! Дом! Работу! Внутренности свои даже. Иначе ей не выжить. И, кое-как дождавшись утра, она записалась в ближайший салон на окраску волос и стрижку, а потом поплелась на другой конец Москвы - к бабке.

Глава 15

Бабушка встретила Элю ласково. Она, вообще-то, скупа была на ласку, этакая королева крови - красивая и недоступная. И никто не был исключением - а вот Эля была! При виде внучки королевское сердце бабушки таяло, она из владычицы морской превращалась в простую бабулю, и даже пахло от нее пирожками и конфетами, хотя пирожков она не пекла в жизни.

Обняв Элю так, что она воткнулась в душистое шелковое плечо, бабушка чмокнула ее в темечко, утянула в пропахшее духами нарядное нутро квартиры.

– Давай-ка, редкая гостья. Раздевайся. Совсем бабку забыла? Сейчас чай будем пить.

– Эле сразу стало полегче, и захотелось схохмить.

– С пирожками?

Бабушка хмыкнула, покрутила пустую пачку от сигарет, неуверенно глянула на внучку, но промолчала, швырнула пачку в плетеную корзину, стоящую под шикарным торшером.

– Юморишь? Ну я тоже пошучу. С пирожками, с пирожками. С мясом. Давай-ка, помоги.

Пирожки у бабушки и правда были. Эля и забыла, что ей часто таскают всякие вкусности, у бабушки, как у истинной королевы было много подданных. Правда, они и не подозре-

вали, что они подданые, и вообще об этом знала только Эля.

– А я думала, что ты вдруг испекла. От тебя пирожками сладкими пахнет.

Бабушка почему-то руганулась тихонько, брезгливо оттянула краешек расшитого воротника на шелковом халате, поднесла к лицу, потянула носом.

– Да! Я так и думала! Слащавые! Терпеть не могу, раз брызнула, с вечера несет. Духи, Эльк, подарили новые, а они прямо бррр. Фу. Вылью.

Эля скользнула в бабушкину спальню, мимоходом полюбовалась сережками, небрежно кинутыми на трюмо, с благоговением взяла в руку коробочку. И обомлела.

– Баб! Ты с ума сошла что ли? Вылить! Это же Герлен! Какие слащавые, они офигенные!

Эля так кружила вокруг стола с зажатой в руке коробочкой, что бабушка засмеялась

– Да возьми, возьми, конечно. Одно дело от тебя кондитерской фабрикой несет, другое от меня. Ты как себя чувствуешь?

Глаза бабушки сразу стали серьезными, сейчас она напомнила Эле Мюллера из кино.

– Да ничего, баб. Сойдет. Ты мне пирогов не наваливай, я не ем. А то разнесет совсем, я и так не худышка.

Бабушка покачала головой, положила на свою тарелку два пирожка, подумала и взяла конфету.

– Давай я тебя к своему врачу направлю, проверишься. А

то после этих вмешательств...

Бабушка не договорила, потому что Эля резко вскочила, чуть не разлив чай.

– Все, бабуль. Проехали. Ты чего меня звала?

....

Возвращалась Эля, когда уже стемнело. Юная весна еще только чувствовалась - в воздухе темнеющего города появилась какая-то особенная нотка - как будто пахла оттаивающая земля. И когда Эля уже подходила к метро, то где-то в глубине очистившейся от снега клумбы, в круге света яркого фонаря, она увидела что-то странное. Как будто подснежники. И, вдруг почувствовав себя падчерицей, которую за ними послали среди зимы, Эля, воровато оглянувшись по сторонам, проползла, чуть не на корточках, в сторону почудившихся цветов. И не ошиблась. Здесь, среди не убранной с осени жухлой листвы проклюнулись нежные беленькие цветочки. И они были такие беспомощные, что Эля чуть не заплакала. Нервы у нее были ни к черту.

...

Бумажка с адресом компании, в которую бабушка настоятельно советовала поехать, лежала перед Элей на столе. Свет был не ближний, адресок, прямо скажем, сомнительный, почти в жопе мира, но она точно знала - поедет. Тишина в доме стояла мертвая, отец с противной мамкой уехали в санаторий, бабушка спала, как сурок в своей, начисто вылизанной Элей комнате А в окно светила луна. Как ей удалось про-

биться сквозь густую черноту городского коктейля крыш, веток, туч и смога известно только ей - но она била своим холодным лучом сквозь стекло, мертво освещая стол и бумажку. Как будто указывала - не сметь передумать. Не сметь!!!

...

Бабушка сидела на кровати, держалась за живот, и была такой бледной, прямо до синевы, что у Эли что-то у самой оборвалось в животе. Она бросилась к кровати, тронула ледяные бабушкины пальцы, заглянула в глаза. А они смотрели мимо. И от этого пустого взгляда стало так страшно, что Эля заметалась, и сделала первое, что делала раньше всегда. К маме! Быстрее!!!

Мама взяла трубку сразу, выслушала невнятные Элины крики, холодно и резко сказала.

– Успокойся! Еду. Буду через час! Скорую вызову сама.

Скорая, конечно, приехала Правда, мама с Владимиром ворвались раньше, а вот сделать ничего не удалось. И бабушки в жизни Эли больше не было Вернее, осталась одна. Снежная королева

Глава 16

Похороны бабушки прошли тихо и почти не заметно. Приехали только ее сестры - потолкались неслышно, помогли после поминок и исчезли, как будто их и не было никогда. Отец тоже был похож на тень, он простить себе не мог отсутствия, равнодушия, чего там еще. А тут еще и мама приехала, да не одна, в сопровождении Владимира. Отец совсем выпал в осадок, смотрел мышью из норы, а когда увидел на руке у матери обручальное кольцо, то, как показалось Эле стал на голову ниже ростом. И только Елена смотрела гоголем, видимо уже чувствовала себя полноценной хозяйкой владений.

И все это так быстро закончилось, что Эля даже не заметила, что осталась в пустой квартире одна. И так ей стало страшно, пусто и одиноко, что она, порыскав в своем, еще девичьем загашнике, нашла полупустую пачку сигарет, закрылась, почему-то в ванной, , и, пуская дым в потолок, хлюпала носом, мешая горечь это дешевой дряни со слезами.

– Развод! Элеонора, ты слышишь меня? Только развод! Или ты хочешь, чтобы твоя новая квартира досталась этому идиоту в шарфе? Прямо вот завтра подавай, сейчас, вроде всеобщего согласия на это дело не требуется! И вообще! Приезжай, дело непростое, и не шуточное. Я все расскажу.

Мать прямо кричала в трубку, Эля давно не слышала от

нее такого возбужденного тона, всегда спокойная и даже холодноватая, сегодня она была не похожа на себя.

– Мам, ну что ты раскричалась-то? Что-то важное? Мне не ближний свет туда к вам тащиться, между прочим. Я работаю!

Эле почему-то хотелось разговаривать грубо. Как-то они достали ее своими любовями и отношениями, она затесалась между этим всем, как надоедливая муха, и все, похоже, просто не знали, как ее, муху Элю, выпустить на волю, чтобы не жужжала. И попала в больное место, мать аж взвилась.

– Нет, ну прямо куда там! Работает она! Я тоже работаю, таскаюсь отсюда по три часа на электричке. А тебе раз к матери съездить в лом! Ладно, ты нас с росписью не поздравила! Так то, что сейчас я хочу сказать тебе – оно тебе и нужно. Давай-ка, подымай зад. Это важно.

Чертыхнувшись, Эля швырнула телефон на столик. Ну, раз мать завелась, не отвертеться, не та ту напали. Продолбит. Пятничный одинокий вечерок в большой пустой квартире перестал быть томным, Эля вылила себе в стакан остатки пива, закурила, плюнула.

– Ладно. Съезжу! И правда, даже не поздравила их, да и квартиру не видела еще. Черт бы драл всю эту хрень!

Утро было таким противным и таким дождливым, как часто бывает в Москве в июне, что Эля, с отвращением посмотрев в окно, прокляла про себя свое дурацкое решение переть в материн мухосранск. Но деваться было некуда, она кину-

ла в новый рюкзачок подарок – набор полотенец, с досадой крякнула, попытавшись его забить его в рюкзак кулаками, выругалась, поняв, что придется тащить пакет. Тем более, что еще духи, коньяк и тапки для бабки. Все равно все не влезет, поедет, как кума с мешками.

Но новая стрижка, а главное новый цвет - адски черный, делающий из простоватой рыжухи женщину вамп, не дал полностью угробить настроение. Эля мстительно накрасила губы новой, дико красной помадой, шарахнула на себя бабушкиным герленом и выскочила на улицу.

Дождь лил, зараза, так, что шикарная дегтярная волна Элиных волос набрякла, как у мокрой курицы, легла мокрой тряпкой на плечи, испортив все, что можно только испортить. До электрички еще было двадцать минут, и Эля решила хватнуть кофейку в ближайшей кафешке, хоть согреться.

– Слушайте, я вас видел. Ну, честно, видел же. Только не врите, я вас узнал. Хоть вы и рыжая были.

Эля не поверила своим глазам - перед ней стоял Санта Клаус. Тот самый, из зимнего вечера, давно забытого, как будто из сна. Он смотрел на нее смеющимися очень темными глазами, и бородка задорно торчала вперед. И бородка эта, кстати, очень ему шла. Он оказался, кстати, совсем небольшого роста - она этого и не поняла толком в первый раз.

– Слушайте! Каждый раз, когда я вас вижу, вас как будто полили водой. Вы, может быть, русалка?

Эля кивнула, садись, мол. Но Санта Клаус не сел. Он сто-

ял около Элиного столика, копался в телефоне, как будто пытался кому-то позвонить. От него пахло дорого и сладко, видно он любил восточный парфюм.

– Вы позвонить решили? Так звоните, а мне некогда, у меня электричка.

Санта Клаус смешно засуетился, потом сунул Эле ручку и сигаретную пачку.

– Быстро! Пиши номер и имя. А меня зовут Иван!

И Эля вдруг написала А потом, сидя в электричке, смотрела на льющиеся по стеклу струи, думала - а какого черта она это сделала

Глава 17

- Мать встретила ее у лифта - видимо заметила с балкона, как она подходила к подъезду. Чуть раздобрев, она както сразу перестала быть похожей на тощую девчонку, притворяющуюся взрослой дамой, теперь она этой дамой и была. И попав в свой возраст, а, может быть, даже и в чуть более старший, она смотрела согласно статусу - чуть свысока и благосклонно.

– Заходи, Эля. Володя уехал, у него смена сегодня. Мы будем втроем.

Эля с удовольствием посмотрела на даму, наконец ставшую похожей на мать, а не на пацанку из соседней квартиры, кивнула. Пошла по еще пахнущему цементом тамбуру, ругаясь про себя, что черти во что превратятся новые кроссовки. Уже мокрые, теперь цементику, будут копыта. А вот квартира огорошила неожиданным комфортом. Мать, видимо, почти вылезла из кожи, что бы сделать из этой новой квартиры конфетку. Правда, видно было, что денег у нее маловато, поэтому еще кое-какие элементы мебели заменяли коробки, накрытые скатертями, но в общем и целом было ничего.

– Заходи, заходи. Только не вздумай курить, Олена Петровна раскудахтается, оглохнешь. Курить на улице, сама бегаю. И поменьше информации, старушка этакая, сама поймешь.

От матери пахло чем-то офигенным, Эля знала ее способности выбирать парфюм, но с бабушкиным герленом тоже чувствовала себя на высоте. У нее опять включилось то, что она терпеть не могла в себе Это самое, соревновательное какое-то. Всю жизнь ее это мучило – встать с ней на одну ступень. Глупо, невозможно, но так желанно

Отмахнувшись от этих мыслей, Эля прошла на кухню, полюбовалась новым кухонным гарнитуром, провела пальцем по идеальной поверхности стеклокерамической панели, улыбнулась.

– Ничего так. Обжились. Воды можно?

И Эля вдруг почувствовала себя здесь абсолютно чужой. Вроде, вот она, мама, вроде это мамин дом, а нет. Для нее тут ничего нет. Мать налила минералки в высокий стакан, вытащила из духовки пышный пирог, поставила противень на подставку, поправила рыжеватый локон.

– Не дуй много, жрать не сможешь. А я тут карячилась.

И вот это такое знакомое “Не дуй” и “Жрать” как-то сразу смягчило все у Эли внутри, да так, что слезы навернулись. Она вдруг послушавшись порыву внутри, прижалась головой к маминому боку и хлюпнула.

– Ну вот. Здравствуйте. Большая уже девочка

Мама гладила Элю по голове и у самой в голосе звенели слезы.

После обеда, когда Олена Петровна ушла спать, унеся с собой свою желчную улыбку на поджатых губах, атмосфера

разрядилась, и Эля, забравшись с матерью на диван с ногами, листала старый альбом с фотками. Ей совсем не хотелось уезжать, хотелось прикорнуть вот здесь на новом дорогом диване, чтобы даже во сне чувствовать вот этот мамин аромат - немного дымный, чуть полынный, пудровый.

– Я что позвала-то тебя, Эль. Два серьезных дела, а ты пыль с ушей стряхиваешь. Брось ты свой альбом, слушай.

Мать, украдкой оглянувшись на закрытую в комнату дверь, открыла окно, вытащила сигарету, но не решилась, убрала в пачку.

– Я тут с отцом твоим говорила. Они ведь что натворили, при приватизации тебя не включили, а это противозаконно. Ну я и пригрозила ему.

Эля слушала мать, и с нее постепенно спадал теплый флер тепла и любви. Эта женщина, сейчас довольно жестко смотревшая ей в глаза, могла всегда пройти по головам. И не факт, что по ее, Элиной, не пройдет тоже.

– Чем пригрозила-то, мам? Зачем?

Мать-таки закурила, высунувшись по пояс в окно, сделала пару затяжек, влезла назад, воткнула окурок в горшок с фикусом, потом завернула его в бумажку.

– Зачем? Затем, что у него теперь вторая жена. Вот он продаст эту квартиру, в которой ты никто и звать тебя никак, и купит новую на двоих. А ты останешься. Короче не у дел.

Эля понимала, что жизнь дочери рядом с собой эта женщина даже не рассматривает, как вариант. Впрочем, никто

этого и не ждал.

– И что?

– Ну что... Он знает чья кошка мясо съела. Если я подам на отмену приватизации, то квартира станет государственной. Поэтому он согласился на другой вариант.

Мать налила в два высоких фужера недопитое за обедом шампанское, мигом слетав на кухню, принесла пастилу.

– Жри, низкокалорийная! Он квартиру продаст. Купит себе однушку. Оставшиеся деньги отдаст тебе. А мы добавим. В Москве не обещаю, Подмосковье вытянем. У тебя будет своя.

У матери были глаза шкодливой лисы, и Эля заразилась ее энтузиазмом.

– Класс. Нет, ну правда, класс, мам. А когда?

Мать залпом выпила шампанское.

– А вот когда и от тебя зависит. Тебе надо развестись со своим дебилом. Это обязательное условие, если ты однажды не хочешь очутиться в комнате в Петушках.

По коридору прошаркала бабка, мать сжалась и притихла. Но когда угроза миновала, продолжила.

– И насчет работы! Тянешь кота за хвост, а место неплохое. Молодая компания, все там продвинутые, тебя ждут. Прозеваешь, такую больше не найдешь!

Назад Эля ехала в пустой электричке, так-то было страшновато, но и не до того. Прикрыв глаза, слушая это успокаивающее ты-дышь ты-дышь и нескончаемый шум дождя за

чуть приоткрытым окном, она исчезала в прошлой и возрождалась в новой жизни. И нельзя сказать, что ей это не нравилось.

Глава 18

Отец был зол. Эля ни разу не видела его таким, даже когда уходила мама. Он поджал побелевшие губы, старался не смотреть на дочь, а тетка его, которая за это время стала еще более тощей, крысилась из угла, как будто именно там у нее была нора. Эля сначала переживала, чувствовала себя виноватой, что из-за нее отец вынужден был продать родительскую квартиру, ютиться теперь в однушке вместе с этой каланчой. А потом вдруг вина улетучилась. Прямо в один момент, когда родной папа выдал.

– Не надо было идти на поводу твоей бесстыжей матери. Надо было подать на пере приватизацию, сделать общую собственность, а потом пустить на свою долю пяток кавказцев. Так ты бы сама улетучилась отсюда, как с белых яблонь дым.

Эля как услышала это - озверела. Это ей отец говорит, блин. И это про ее дом - в котором она родилась, росла, другого и не знала даже. На который, как оказалось, она не имела никакого права. Схватив рюкзак, где уже были сложены последние ее манатки, она подскочила к отцу, глянула прямо в его затемненные очки, сказала, как плюнула.

– Обойдешься. Пролетел. За картой приеду в понедельник, завтра у меня развод. До свиданья, папа. И мама!

Она противно ухмыльнулась в сторону папочкиной жены, у которой вдруг вытянулся нос, точно, как у удивленной мы-

ши, и даже задергался из стороны в сторону, как будто она нюхала Элины слова. Потом еще раз глянула в отцовы очки и выскочила на лестничную клетку.

...

В это лето дождь, похоже, выступил на бессменное дежурство. Он лил опять с самого утра, причем был не радостный, летний, который Эля помнила еще с детства - когда чуть терпко пахли тополиные, скинутые нафиг почки, когда радужные пузыри на лужах были похожи на мыльные, и в них отражались дома - изогнутые, как будто на них смотрели в лупу, когда теплые струи не раздражали, а щекотали, и хотелось разуться и поскакать по мокрому асфальту куда глаза глядят. Эля любила такой московский дождь. Он застрял в ее памяти, еще с тех пор, когда они с мамой пускали кораблики в перерыве между репетициями в музыкальной школе, и мама прыгала по школьному скверу наравне с маленькой Элей, стараясь не упустить свой кораблик. Нет, сегодня дождь был не таким. Он был точно, как Элино настроение - смурной, темный, безрадостный. И совершенно осенний.

Около ЗАГСа никого не было. Впрочем, и не удивительно, какой дурак надумает жениться в такую погоду. Ну, а для развода погода была отличной, прямо в тему.

Ника стоял около входа, он был похожа на мокрого пса в шарфе. Он так и не снял его, похоже, с их первой встречи, видимо и спал в нем. И Эле вдруг неожиданно и очень сильно стало жаль его. Прямо до слез. Хоть вот доставай из су-

мочки недоеденное печенье, подзывай, корми с руки.

– Пришел вот, спасибо сказать должна. А то бы через суд шуровала.

Несмотря на жалкий псиный вид, смотрел Ника злобно, вот-вот укусит. Эля отбросила жалостливые мысли о печенье, подумав, что она замечательно попьет с ним чаю и сама. В своей съемной комнатке.

– Спасибо! Ты паспорт взял, надеюсь.

Ника повернулся к ней спиной, вроде она растворилась в мороси вечереющего воздуха и один пошел внутрь. Все произошло на удивление быстро. Огромной тетке, похожей на баржу в жутко розовом костюме Ника бросил сквозь зубы - “Не сошлись характерами, жили отдельно”. Тетка скривилась, развернула тулово к Эле, та пропищала то же самое.

– Женятся сами не знают зачем. У людей только время отнимают.

Розовая баржа толкнула им журнал для подписи, потом шлепнула тысячу печатей в разных местах, толкнула по столу две бумажки в цвет себя.

– Каждому экземпляр. Зовите следующих.

В огромной и совершенно ледяной рекреации Ника с Элей были похожи на два осенних листа, попавших в большую лужу. Их разгоняло ветром по краям, и они никак не могли сойтись поближе. Но, наконец, получилось. Ника молча постоял, глядя на Элю, потом спросил.

– А что так скоропостижно-то? Чесалось? Или мужика

присмотрела.

Эле вдруг захотелось не накормить эту сволочь, а плюнуть ему в морду. Она, с трудом сдерживаясь, аккуратно сложила пополам бумажку, вещающую от ее свободе и никому ненужности, сощурилась и мстительно бросила.

– Нашла! Вот, сейчас к нему еду. У него дом двухэтажный на Рязанке, своя яхта и бизнес в Сочи. Пока. Счастливо оставаться!

...

Вторая комната пока будет закрыта, Элеонора. Ключ я оставлю в прихожей, но вы не вздумайте ее открывать. Эта комната предназначена для второй жилицы, она приедет через неделю.

Дама, как писали в старых романах “со следами былой красоты” звонко цокала по истертому паркету каблучками лаковых туфель. От нее чем-то жутко воняло, и Эля вдруг неожиданно вспомнила этот запах. Так пахло от ее частной учительницы музыки - сладко, терпко, конфетно, аж щипало в носу. “Ты ничего не понимаешь, кукленыш, это Красная Москва” - сказала ей тогда мама, и Эля навсегда уяснила - эта Красная Москва просто фу. А вот тебе - опять.

– Не буду я ничего открывать. Мне и своей комнаты хватит. А это что?

На кухне висела жуткая штука, она странно пыхтела, подмигивала огоньком внутри, и от нее веяло опасностью. Дама вздохнула, сунула ей папку с бумагами.

– Это газовая колонка, Элеонора. Тут в папке - инструкция. И там еще опись всех вещей, распишитесь в моем экземпляре.

Красная Москва удалилась. Эля с опаской потрогала газового монстра, потом вытащила из рюкзака бутылку вина, печенье. И, налив себе целый стакан, сидела, попивая по глоточку, задумчиво глядя на огни города, заблудившегося в дожде.

А утро вдруг засияло в окне горячим, совершенно не Московским солнышком! И в душе Элиной было так же - ясно и светло. Она как-то очень остро вдруг почувствовала новое - как будто где-то за поворотом ее ждала карета, которую фея сделала из тыквы. Вспомнив, что сегодня собеседование, Эля надела скромную блузку, которую купила специально для этого, узкую юбку по колено, собрала свои вороные лохмы с тугой хвост, чуть подвела глаза. А помаду цвета безумного пламени, швырнула в сумку. Не до нее.

Глава 19

Офис, в который Эля должна была попасть ровно к десяти был ровно в джоппе мира. Так ее новая знакомая Мирэль (откуда имечко-то такое взялось) называла любые окраины Москвы, но ей, "центровой москвичке" такое было простительно, ее семья занимала здоровенную трешку на Новом Арбате. Впрочем, Эля всю жизнь проживала в такой джоппе, и она не могла сказать, что ее это уж очень раздражало.

От метро Эля ехала еще пять остановок на трамвае, трамвай звенел, как заполошный, без конца поворачивая в какие-то узкие улочки, и она, наверное, бы не выбралась отсюда никогда, если бы не случилась ее остановка. Неуверенно осмотревшись, справившись со странным ощущением, что ее привезли в какой-то лесопарк на пикник, Эля пошла по узкой асфальтированной тропке, затерявшейся среди старых лип, и ей неожиданно захотелось попрыгать на одной ножке прямо по снежным заносам тополиного пуха. Но она удержалась, поправила хвост, придавая ему пристойную форму, пригладила воротничок блузки и достойно понесла себя в подъезду неожиданно появившегося перед ней здания. Это было что-то вроде дома культуры, сохранившегося в парке со старых времен, но сейчас оно пестрило вывесками и табличками. Похоже, помещения в нем снимали все кому не лень. Ничего серьезного это не обещало, Эля уже пожалела, что

вообще послушала мать - только потеряла время. Но, коль уж дело начато, то надо довести его до конца, в последнее время она все чаще ловила себя на этом желании, видно старость не за горами.

– Второй этаж, лифта нет, после лестницы налево, вам в последнюю комнату. Паспорт заберите.

Из окошка на нее пялила любопытные глазки круглощекая деваха, таких показывают в старых фильмах, они, как правило, доярки, любящие гармониста. Эля улыбнулась доярке, забрала паспорт и медленно поплелась по лестнице, почувствовав себя вдруг старой разбитой телегой. Коридор изумлял своей неприкаянностью - стены были ободранными, двери разномастными, везде висели какие-то плакатики и бумажки, из одной двери вдруг шарахнуло музыкой, впрочем оттуда выглянул чернявый молодец и дверь плотно прикрыл. Все это напоминало общежитие с плохой администрацией, и Эля снова пожалела, что ввязалась в эту авантюру. Хотела было развернуться, но...

– Вы к десяти? Подождите немного, перед вами претендент. Паспорт дайте.

Прямо перед Элей, как чертик выскочивший из коробочки, возникла небольшая плотненькая женщина в платье, похожем на чехол. Оно и из ткани было соответствующей - Эля видела как-то раз такие чехлы, она с мамой ходила выбирать старинный стул в квартиру маминого знакомого профессора, и вот там вся мебель была именно в таких чехлах.

– Вадим не любит задержек, у него кроме вас сегодня пять претенденток. Давайте, говорю.

Эля, чуть ошалев от напора, отдала паспорт. Тетка в чехле радостно кивнула и за руку затащила Элю в крошечную комнатку, чуть не до потолка заваленную каким-то хламом.

– Сюда. Там табуретка. Ждите.

Женщина улетучилась, но в тот же момент открылась дверь, которую Эля и не заметила сначала. Оттуда вышла расстроенная долговязая девица с ярко накрашенными фиолетовой помадой губами и плотно сбитой в одну кучу грудью, чуть не полностью выглядывающей из выреза тоже фиолетовой кофты. Перебирая циркуле видными ногами девица подошла к Эле, хныкнула.

– Не возьмет! Образования ему подавай. Зачем секретарше особенное образование какое-то? Одурели.

Эля растерянно кивнула. Мать, вообще-то говорила ей, что вакансия на помощника руководителя.

– Девица вытащила из сумки флакон, добавила зверской вони, которая и так от нее перла за версту, сказала Эле, глядя поверх ее головы.

– Иди. Ты следующая.

За столом, который и виден толком не был среди неимоверного количества коробок и коробов, сидел гномик. Гномик был усталым и печальным, он смотрел на вошедшую Элю так обреченно, что ей захотелось его погладить по голове.

– Элеонора Алексеевна? Вы пройдите вон там, там есть проход между коробками. Только осторожно, не испачкайтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.